

МЕТОДИКИ, МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 159.9

ГРНТИ 15.41.21

АДАПТАЦИЯ ШКАЛЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ (ARS-30) С. КЭССИДИ НА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКЕ ¹

© 2021 г. Ю.В. Постылякова

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник
Институт психологии РАН, г. Москва
E-mail: postylyakova@mail.ru*

Сила корпоративной культуры является необходимым условием эффективности и в статье проанализированы зарубежные и отечественные методики, направленные на оценку жизнеспособности. Показано, что большинство исследований жизнеспособности чаще всего проводятся на основе использования тестов индивидуальной жизнеспособности или различных широко применяемых личностных опросников, которые оценивают отдельные значимые для жизнеспособности личностные качества. При этом остается неучтенным контекст, в котором субъект проявляет жизнеспособность. Период обучения в вузе дает возможность изучить проявление жизнеспособности студентов в образовательном (академическом) контексте, где студент сталкивается со специфическими учебными проблемами. Показано, что Шкала академической жизнеспособности С. Кэссиди (The Academic Resilience Scale (ARS-30) by S. Cassidy, 2016) определяет академическую жизнеспособность путем оценки адаптивных и неадаптивных когнитивно-эмоциональных и поведенческих реакций непосредственно на академические невзгоды. Приводятся результаты адаптации Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) С. Кэссиди: проведена лингвистическая адаптация Шкалы; подтверждена трехфакторная структура методики, в которой первый фактор отражает настойчивость, проявляющуюся в упорной работе, следовании своим планам и целям, в нежелании сдаваться, второй фактор — рефлексия, проявляющуюся в

¹ Исследование выполнено по Гос. заданию Минобрнауки РФ, тема № 0138-2021-0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов»

размышлении о своих сильных и слабых сторонах, в изменении подходов к обучению, в поиске помощи, в мониторинге усилий и достижений, и третий фактор отражает эмоциональную реакцию на академические неудачи, отрицательный аффект, а также попытки эмоционального самоконтроля. Была определена синхронная надежность методики, подтверждена внутренняя согласованность пунктов, входящих в выделенные факторы, получила подтверждение критериальная валидность Шкалы ARS-30. Намечены дальнейшие этапы адаптации методики.

Ключевые слова: индивидуальная жизнеспособность, академическая жизнеспособность, жизнеспособность студентов, тесты и шкалы жизнеспособности, психометрические характеристики..

ВВЕДЕНИЕ

Актуальной проблемой в исследованиях жизнеспособности остается инструментарий, позволяющий оценить этот конструкт и его компоненты. В зарубежных исследованиях методик, оценивающих жизнеспособность, значительно больше, чем в отечественной психологии. Среди российских тестов можно назвать следующие:

— Тест «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2016), состоит из двадцати вопросов и измеряет шесть компонентов жизнеспособности: самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптацию, семейные/социальные взаимосвязи и духовность. «Первые четыре шкалы позволяют оценить вклад индивидуально-психологических характеристик в жизнеспособность человека. Пятая — оценивает духовную сущность, его экзистенцию, шестая — социальное и семейное окружение, способствующее жизнеспособности человека» (Махнач, 2016, с. 304). По тесту рассчитывается общий показатель жизнеспособности взрослого человека. Методика может использоваться для диагностики людей от 18 лет и до позднего возраста.

— Опросник жизнеспособности детей и молодежи-28 (CYRM-28; Ungar, Liebenberg, 2011), русскоязычный вариант методики адаптирован А.В. Махначем и А.И. Лактионовой (Makhnach, Laktionova, 2005). Первая субшкала опросника CYRM оценивает индивидуальные ресурсы, включающие способность решать проблемы,

сотрудничество, осознание личных сильных сторон, поддержку сверстников и социальные навыки; вторая субшкала измеряет отношения с родителями/опекунами, включая физическую и психологическую помощь; и третья субшкала оценивает контекстуальные ресурсы, которые показывают связь подростка с культурой, роль религиозных и духовных убеждений в его жизни, а также взаимодействие с образованием и актуальность образования;

– Тест «Жизнеспособность человека» (ТЖЧ) (Рыльская, 2016), состоит из шести вопросов и измеряет четыре компонента: способности адаптации, способности саморегуляции, способность саморазвития и осмысленность жизни (Рыльская, 2016). Методика предназначена для людей от 30 до 60 лет и оценивает показатель жизнеспособности, «как интегральной способности к сохранению собственной системной целостности, которая позволяет успешно решать основные жизненные задачи этого возрастного периода» (Рыльская, 2016, с. 28).

Вместе с тем, большинство отечественных исследований жизнеспособности чаще всего проводится на основе использования различных широко применяемых личностных опросников, которые оценивают отдельные значимые для жизнеспособности личностные качества, ресурсы, стили совладания и т.п., позволяя делать выводы об индивидуальной жизнеспособности субъекта в целом. Такой подход себя оправдывает, однако, оставляет нерешенным важный для изучения жизнеспособности вопрос учета контекста, в котором субъект проявляет / не проявляет, или не способен проявить свою жизнеспособность. Жизнеспособность является базовой характеристикой проявления субъектности, предполагает высокую социальную активность личности, направленную на преобразование внешней природной и социальной среды и на формирование самого себя в соответствии с заданными целями (Лактионова, 2017; Махнач, 2016). Являясь сложным многоуровневым конструктом, он включает в себя как биологические, личностные, так и социальные, культуральные компоненты. Жизнеспособность и ее проявление субъектом зависит от среды, контекста в целом, в котором он находится и

действует. Поэтому важно определить как человек будет проявлять жизнеспособность при столкновении с конкретными проблемами и продиктованными определенным контекстом задачами.

Период обучения в вузе представляет нам возможность изучить проявление жизнеспособности студентов с учетом образовательного (академического) контекста. Он подразумевает столкновение студента со специфическими учебными проблемами: успеваемость, своевременная сдача контрольных, сессии, учебно-производственной практики, а также разрешение, при необходимости, сложных ситуаций взаимодействия с преподавателями, одногруппниками и т.п. В зарубежных источниках проявление жизнеспособности в образовательном (академическом) контексте получило название академической жизнеспособности (academic resilience) (Martin, Marsh, 2003; Waxman, Gray, Padron, 2003; Martin, 2013; Cheng, Catling, 2015; Cassidy, 2015, 2016; Постылякова, 2018, 2020; и др.). «Академическая жизнеспособность» понимается как контекстно-специфическая, контекстно-ориентированная форма индивидуальной психологической жизнеспособности (Colp, Nordstokke, 2014) и касается проявления последней в образовательном контексте. В образовательном (академическом) контексте, жизнеспособность проявляют те студенты, которые могут преодолеть академические неудачи и добиться успеха, тогда как другие продолжают работать все хуже и хуже (Martin, Marsh, 2006). Необходимо отметить, что работ российских ученых по изучению собственно академической жизнеспособности мы не выявили. Вместе с тем проведены исследования жизнеспособности на выборках школьников и студентов, но в них не изучаются проявления жизнеспособности при столкновении с проблемами в процесс учебы. Эти работы нацелены на изучение значимых для жизнеспособности качеств учащихся, чаще школьников, и сосредоточены на оценке образовательной среды школы. Это не позволяет в полной мере оценивать то, как школьник или студент справляется с академическими проблемами (Селезнева, Рубленко, 2015; Рыльская, 2016; Кузнецов, Соловьева, Трошков, 2018; Никитин, 2019; Гуров, Ефремова, Прикот, Виноградов,

2019; и др.). В свою очередь Л. Терон, рассуждая о проблемах изучения жизнеспособности студентов, отмечает: «Наука о жизнеспособности, включая жизнеспособность студентов, популярна. Тем не менее, упрощенные объяснения жизнеспособности, вероятно, поставят под угрозу долгосрочную полезность науки о жизнеспособности» (Theron, 2021, p. 244).

В связи с этим нами были проанализированы наиболее известные и часто используемые в зарубежных исследованиях академической жизнеспособности опросники. Отметим, что и эти шкалы не предназначены для оценки собственно академической жизнеспособности.

– Шкала жизнеспособности (RS), Г. Вагнилд и Х. Янг (Wagnild and Young's Resilience Scale; Wagnild, Young, 1993). Данная методика измеряет способность противостоять жизненным стрессорам, преуспевать и извлекать смысл из проблем. Шкала жизнеспособности (RS) состоит из 25 вопросов, и двух субшкал: «Личная компетентность» и «Принятие себя и жизни». Жизнеспособность в интерпретации Г. Вагнилд включает в себя пять основных характеристик: осмысленность жизни (цель), настойчивость, уверенность в себе, невозмутимость и экзистенциальное одиночество, т. е. «возвращение домой, к себе» (Wagnild, 2009). Осмысленность жизни (цель) определяется авторами как наиболее важная, лежащая в основе остальных четырех. Шкала RS имеет хорошую валидность и надежность.

– Шкала жизнеспособности Коннор-Дэвидсона (The Connor-Davidson Resilience Scale; Connor, Davidson, 2003). Данная шкала имеет пятифакторную структуру: личная компетентность, высокие стандарты и упорство; доверие к себе, толерантность к негативному влиянию стресса; позитивное принятие изменений и безопасные личные отношения; личный контроль; и духовные влияния/духовная ориентация на будущее. Авторами отмечается, что на фактор, включающий личную компетентность, высокие стандарты и упорство приходится наибольшая доля дисперсии (Connor, Davidson, 2003; см. также: Lamond et al., 2009).

— Шкала жизнеспособности для взрослых О. Фриборга с соавт. (The Resilience Scale for Adults (RSA); Friberg et al., 2003; Hjemdal, et al., 2006). Шкала RSA включает в себя 33 пункта, охватывающих шесть измерений и оценивающих защитные факторы на нескольких уровнях: восприятие себя; планируемое будущее; социальная компетентность; структурированный стиль; сплоченность семьи; социальные ресурсы. Четыре первых фактора оценивают защитные факторы на личностном уровне, два последних оценивают защитные факторы на семейном и социальном уровнях.

— Краткая шкала жизнеспособности Б. Смита с соавт. (The Brief Resilience Scale; Smith et al., 2008). Краткая шкала жизнеспособности (BRS), состоящая из шести утверждений, была разработана для измерения способности человека восстанавливаться (bounce back) после стресса (Smith et al., 2008; Smith et al., 2010) и, как считается, наиболее тесно связана с первоначальным значением жизнеспособности. Способность восстанавливаться после стресса, или «жизнеспособность», концептуально отличается от «ресурсов жизнеспособности». Жизнеспособность, по мнению исследователей, ориентирована на стресс (Smith et al., 2010), в то время как ресурсы жизнеспособности, такие, например, как оптимизм и самооценка, имеют более широкое влияние, поскольку оно не ограничивается только областью стресса или негативных событий (Smith, Zautra, 2008). Б. Смит и др. (2010) подчеркнули, что, хотя Шкала BRS оценивает убежденность, веру человека в то, насколько хорошо он может прийти в норму, а не его фактический успех в этом, эта вера или убежденность может служить необходимым условием, предпосылкой фактической способности человека прийти в норму. Таким образом, BRS позволяет оценить убеждения индивида о том, насколько хорошо он может что-то сделать, а не его фактический результат.

Как видно из описания всех этих методик, каждая из них предлагает респондентам утверждения, сформулированные в соответствии с характеристиками, связанными с жизнеспособностью: личная и социальная компетентность, принятие себя и жизни, самооценка, стратегии достижения цели, решение проблем, внешняя социальная

поддержка и семейная сплоченность и др. (Hoge et al., 2007). Однако, ряд исследователей также отмечают, что, несмотря на наличие разработанных шкал, измеряющих жизнеспособность, нет единого мнения относительно того, какая из этих шкал лучше всего отражает и количественно оценивает конструкцию жизнеспособности и что отсутствие консенсуса по конструктивному оцениванию жизнеспособности указывает на внутреннюю сложность определения понятия жизнеспособности (Hoge et al., 2007; Lamond et al., 2009; Cassidy, 2016; и др.). Это справедливо и для измерения академической жизнеспособности. А. Мартин отмечает, что исследования академической жизнеспособности ограничены, а прогресс в плане определения конструкта и связанных с ним прогностических факторов идет медленно (Martin, 2002, 2013).

ШКАЛА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ С. КЭССИДИ (THE ACADEMIC RESILIENCE SCALE, ARS-30; S.CASSIDY)

Учитывая выше описанные проблемы, нами была выбрана Шкала академической жизнеспособности С. Кэссиди (The Academic Resilience Scale, ARS-30; Cassidy, 2016) для адаптации на русскоязычной выборке.

В отличие от проанализированных шкал жизнеспособности, она оценивает академическую жизнеспособность не путем оценки значимых для жизнеспособности личностных качеств, а делает акцент на адаптивных и неадаптивных когнитивно-эмоциональных и поведенческих реакциях на академические невзгоды, на процессах совладания с ними.

Шкала академической жизнеспособности (ARS-30) состоит из 30 пунктов и измеряет реакцию студентов университета к гипотетической, но реально возможной и/или возникающей ситуации академической неудачи. Описание ситуации академической неудачи было разработано автором шкалы ARS-30 для отображения проблем, возможных в образовательном контексте. Студентам предлагается выбрать ответы, отражающие адаптивные или неадаптивные реакции на эти проблемы, что, в конечном итоге, отражает меру их академической жизнеспособности, основанную на

реакции на конкретный случай академической неудачи. Сочетание описания ситуации академической неудачи с представлением связанных с нею адаптивных и неадаптивных когнитивно-эмоциональных и поведенческих реакций предполагает, что Шкала ARS-30 охватывает как опыт переживания стресса, так и количественную оценку жизнеспособности, проявляемой в обучении, способности восстановиться после неудачи.

Тест ARS-30 измеряет три фактора: «1) Настойчивость, которая проявляется в упорной работе и попытке не сдаваться, в следовании своим планам и целям, в принятии и использовании обратной связи, в рассмотрении невзгод, как возможностей для решения проблем и улучшения ситуации; 2) Рефлексия и адаптивный поиск помощи, отражающийся в размышлении о своих сильных и слабых сторонах, в изменении подходов к обучению, в поиске помощи, поддержки и поощрения, в мониторинге усилий и достижений, а также в управлении вознаграждениями и наказаниями; 3) Отрицательный аффект и эмоциональная реакция, проявляющиеся в тревоге, катастрофизации происходящего и избегании негативных эмоциональных реакций» (Cassidy, 2016, p.8).

Подсчет баллов происходит в прямом и обратном порядке. Высокий суммарный балл по тесту ARS-30 говорит о высокой академической жизнеспособности.

АДАПТАЦИЯ ШКАЛЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ С. КЭССИДИ (THE ACADEMIC RESILIENCE SCALE, ARS-30)

Необходимо отметить, что ситуация пандемии COVID-19 серьезно осложнила сбор данных, поэтому полученные результаты мы рассматриваем в рамках пилотного исследования по адаптации Шкалы академической жизнеспособности.

Адаптация Шкалы академической жизнеспособности С. Кэссиди (The Academic Resilience Scale; ARS-30) проходила в несколько этапов: лингвистическая адаптация, проверка факторной структуры; проверка внутренней согласованности, синхронной надежности выделенных факторов; проверка критериальной валидности шкалы ARS-30.

Лингвистическая адаптация проводилась на основе прямого/обратного перевода утверждений шкалы ARS-30 с привлечением профессиональных переводчиков и последующим сопоставлением версий перевода.

Проверка факторной структуры Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30). Выборка составила 142 человека – студенты 3-4 курсов преимущественно гуманитарных специальностей московских вузов. Средний возраст $M=19,72$; $SD=1,56$. Из них 58 юношей ($M_{\text{возраст}}=19,43$; $SD=1,50$); 84 девушки ($M_{\text{возраст}}=19,88$; $SD=1,58$). В выборке количество девушек явно превышает количество юношей, что приводит к потенциальной погрешности в данных. Однако, как отмечают исследователи, подобный дисбаланс является типичным показателем набора студентов на бакалавриат по ряду гуманитарных дисциплин, включая психологию, образование, предметы, связанные с медициной, сервисной деятельностью, дизайном и др. (Bourne, 2014; Hillman, Robinson, 2016).

Для проверки факторной структуры был проведен факторный анализ. В процессе проведения факторного анализа были рассчитаны и проанализированы следующие показатели: КМО = 0,821. Полученные значения этого показателя свидетельствуют об адекватности применения факторного анализа для данной выборки. Критерий сферичности Батлера, $\lambda^2 = 1520,259$ ($p < 0,05$), что говорит о целесообразности факторного анализа в силу коррелированности факторов.

После проведенного факторного анализа методом главных компонент с вращением Varimax было получено трехфакторное решение, объясняющее 42,38% дисперсии. То же показал и полученный график собственных значений (см. Рис.1). Отметим, что аналогичное трехфакторное решение в факторном анализе получил и сам автор методики, объясняющее 42,4% дисперсии (Cassidy, 2016).

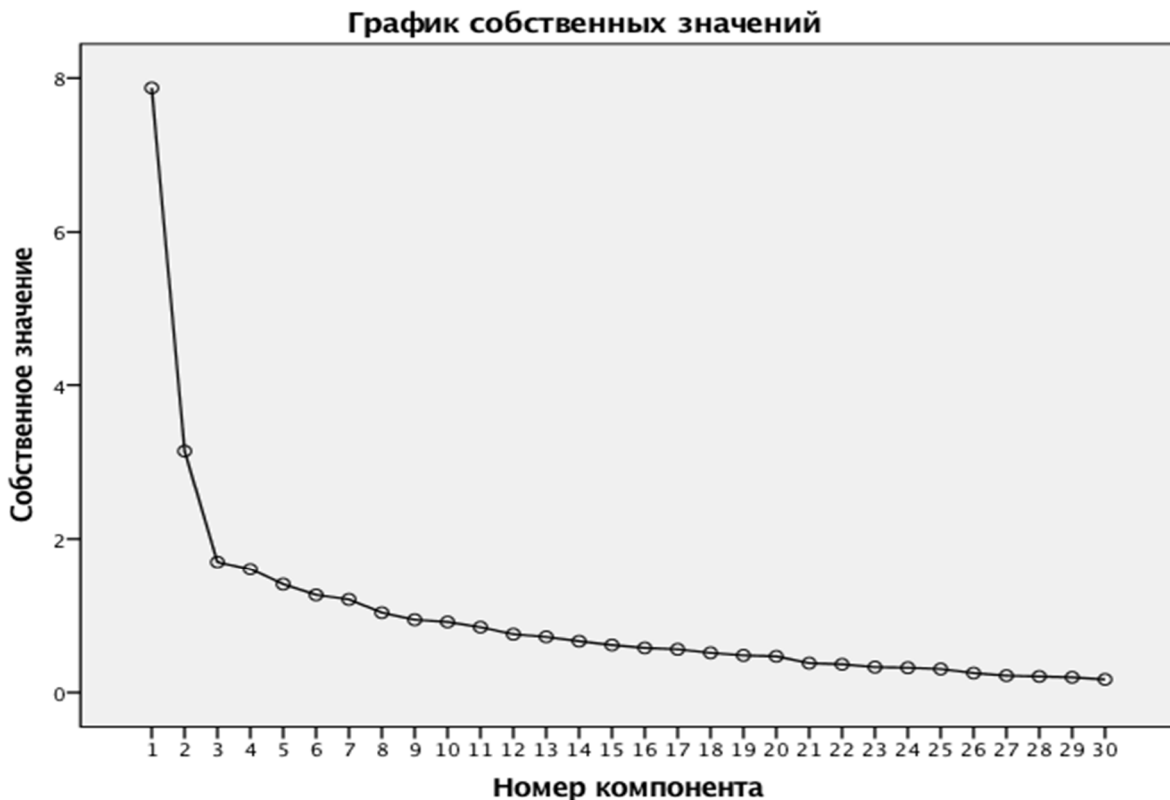

Рис. 1. График собственных значений

В результате факторного анализа были выделены следующие факторы:

1 фактор «Настойчивость» - в него вошли пункты, отражающие упорное стремление и попытки справиться с неблагоприятной учебной ситуацией, позитивную самомотивацию, стремление придерживаться поставленных целей (например: «Я бы продолжал(а) стараться», «Я бы работал(а) усерднее», «Я бы использовал(а) эту ситуацию, чтобы мотивировать себя» и др.).

2 фактор «Рефлексия» - в него вошли пункты, отражающие когнитивные усилия, направленные на переосмысление ситуации, нахождение разных способов обучения, отслеживание своих достижений (например, «Я бы начал(а) отслеживать и оценивать свои достижения и усилия», «Я бы старался(ась) учиться разными способами» и др.).

3 фактор «Эмоциональный ответ» - в него вошли пункты, отражающие эмоциональные реакции на учебные неудачи, а также попытки эмоционального контроля

(например, «Я бы запретил(а) себе паниковать», «Я бы, наверное, впал(а) в депрессию»).

Затем был проведен однофакторный анализ пунктов по каждой из выделенных трех шкал Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30) по методу главных осей (principal axis), без использования вращения с целью определения нагрузки каждого пункта в шкале и его связи с фактором. При этом мы рассматривали только те факторы, собственные значения которых больше 0,1; а также принималось факторное решение, давшее максимальное количество переменных с нагрузками 0,3 и выше. Данные факторного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Значения весов факторных нагрузок для пунктов Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30)

Номера вопросов в оригинальной версии и их формулировки	Фактор 1 «Настойчивость»	Фактор 2 «Рефлексия»	Фактор 3 «Эмоциональный ответ»
(16) Я бы продолжал(а) стараться	0,762		
(11) Я бы работал(а) усерднее	0,746		
(2) Я бы использовал(а) их отзывы, чтобы улучшить свою работу	0,719		
(4) Я бы использовал(а) эту ситуацию, чтобы мотивировать себя	0,634		
(13) Я бы попытался(ась) придумать новые решения	0,627		
(9) Я бы сделал(а) все возможное, чтобы перестать думать негативно	0,553		
(30) Я бы с нетерпением искал(а) случая, чтобы показать, что я могу улучшить свои оценки	0,552		
(10) Я бы рассматривал(а) эту ситуацию как временную	0,541		
(3) Я бы просто сдался(ась)	0,476		
(15) Я бы обвинял(а) преподавателя	0,444		
(17) Я бы не стал(а) менять свои долгосрочные цели и амбиции	0,421		
(8) Я бы стал(а) рассматривать эту ситуацию как вызов	0,384		
(1) Я бы не согласился(ась) с отзывом преподавателей	0,380		
(5) Я бы изменил(а) свои карьерные планы	0,300		

(25) Я бы поставил(а) перед собой свои собственные цели для достижения		0,775	
(24) Я бы старался(ась) учиться разными способами		0,748	
(18) Я бы использовал(а) свои прошлые успехи, чтобы помочь себе в мотивации		0,743	
(20) Я бы начал(а) отслеживать и оценивать свои достижения и усилия		0,720	
(22) Я бы сам(а) себя поддерживал(а)		0,606	
(27) Я бы старался(ась) больше думать о своих сильных и слабых сторонах, чтобы помочь себе работать лучше		0,561	
(29) Я бы начал(а) сам(а) устанавливать себе награды и наказания в зависимости от моих достижений		0,342	
(21) Я бы обратился(ась) за помощью к своим преподавателям		0,300	
(26) Я бы искал(а) поддержки у моей семьи и друзей		0,200	
(12) Я бы, наверное, впал(а) в депрессию			0,785
(7) Я бы начал(а) думать, что мои шансы на успехи в университете очень слабы			0,784
(28) Я бы чувствовал(а) себя так, будто все рухнуло и теперь так плохо и останется			0,779
(19) Я бы начал(а) думать, что мои шансы получить работу, которую я хочу, очень низкие			0,765
(14) Я был(а) бы очень разочарован(а)			0,639
(6) Я бы, наверное, стал(а) раздражаться			0,623
(23) Я бы запретил(а) себе паниковать			0,511
КМО	0,810	0,799	0,811
Собственное значение при однофакторном решении	4,308	3,145	3,479
% объясняемой дисперсии	30,773	34,943	49,698

Как видно из приведенных в таблице данных, все вопросы в выделенных факторах имеют нагрузку 0,3 и выше, что показывает их связь с выделенным фактором. Исключение составляет один пункт во втором факторе с нагрузкой 0,2. Этот пункт отражает поиск поддержки у семьи и друзей. На этом этапе пилотного исследования мы приняли решение не удалять этот пункт из шкалы.

Проверка синхронной надежности выделенных факторов в русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) на основе α -Кронбаха.

Для проверки внутренней согласованности Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30) была определена синхронная надежность выделенных факторов в русскоязычной версии. Способ ее оценки заключается в разбиении теста на количество частей, соответствующих числу отдельных пунктов в нем и последующей оценке их взаимной согласованности. Для этого использовался коэффициент α -Кронбаха. Надежными в психометрии считаются шкалы с коэффициентом 0,6 (Бодалев, Столин, 2000).

В нашем исследовании на выборке из 142 человек рассчитанные коэффициенты α -Кронбаха лежат в интервале от 0,73 до 0,82, при $p < 0.01$, что говорит о высокой синхронной надежности, однородности всех шкал русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30) по своему содержанию и значимой связи всех пунктов со шкалами. Значения α -Кронбаха для шкал русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30), выделенных на основе факторного анализа, приведены в Таблице 2.

Таблица 2.

Значения α -Кронбаха для шкал Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30)

	Настойчивость	Рефлексия	Эмоциональный ответ
α-Кронбаха	0,80	0,73	0,82

Отметим, что внутренняя согласованность шкал Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30) была оценена ее автором также путем применения коэффициента α -Кронбаха. Эти коэффициенты в авторской версии принимают высокие значения от 0,78 до 0,83, что говорит о высокой степени внутренней согласованности, однородности шкал по своему содержанию.

Проверка критериальной валидности Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) осуществлялась на основе корреляционного анализа Шкалы ARS-30 с Тестом жизнеспособности взрослых (Махнач, 2016), оценивающим значимые с точки зрения индивидуальной жизнеспособности личностные характеристики:

самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, духовная жизнь, семейные и социальные взаимосвязи; а также с Тестом «Копинговое поведение в стрессовых ситуациях» (Норман и др. в адаптации Т.Л. Крюковой), оценивающим поведенческие стратегии совладания со стрессом. Результаты представлены в таблицах 3, 4.

Таблица 3.

Результаты корреляционного анализа между Тестом жизнеспособности взрослых А.В. Махнача и Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30), (N=142)

Шкалы	Настойчивость	Рефлексия	Эмоциональный ответ	Общая академическая жизнеспособность
Самоэффективность	0,591**	0,590**	0,341**	0,634**
Настойчивость	0,507**	0,434**	0,383**	0,562**
Внутренний локус контроля	0,427**	0,537**	0,222*	0,489**
Совладание	0,519**	0,479**	0,456**	0,596**
Духовная жизнь	0,191*	0,337**	-	0,222*
Социальные связи	0,286**	0,321**	-	0,311**
Общая жизнеспособность	0,518**	0,582**	0,291**	0,586**

Примечание. * - $p < 0,01$; ** - $p < 0,001$

Результаты корреляционного анализа выявили большое количество значимых положительных корреляционных связей между показателями шкал валидизируемой методики ASR-30 и Тестом жизнеспособности взрослых. Это свидетельствует о том, все значимые для индивидуальной жизнеспособности качества, такие как настойчивость, самоэффективность, совладание, внутренний локус контроля обеспечивают реализацию всех видов адаптивных когнитивно-эмоциональных и поведенческих реакций, проявляющихся в упорном продолжении работы и нежелании сдаваться, несмотря на неудачи или проблемы в учебе, в рефлексии, которая выражается в осмыслении своих сильных и слабых сторонах в мониторинге своих усилий и достижений, в поиске помощи, поддержки и поощрения, а также в эмоциональном отклике на проблему. Особое значение для проявления жизнеспособности в учебном процессе при столкновении с

трудностями имеют такие качества как самоэффективность, настойчивость и совладание, коэффициенты корреляций здесь выше, чем у других измеряемых свойств, которые могут выражаться как в отрицательном аффекте, тревожности, так и в стремлении избегать эмоциональных реакций, в оптимизме и самообладании. Подобные взаимосвязи отмечались ранее в ряде исследований (Wagnild, Young, 1993; Connor, Davidson, 2003; Lamond, et al., 2009; и др.).

Таблица 4.

Результаты корреляционного анализа между Тестом совладающего поведения и Шкалы академической жизнеспособности (ASR-30), (N=142)

Шкалы	Настойчивость	Рефлексия	Эмоциональный ответ	Общая академическая жизнеспособность
Копинг решения проблем	0,597**	0,521**	0,352*	0,595**
Эмоциональный копинг	-0,346*		-0,604**	-0,434**

Примечание. * - $p < 0,01$; ** - $p < 0,001$

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между показателями адаптивных когнитивно-эмоциональных и поведенческих реакций шкалы ASR-30 и показателями двух копинговых стратегий, проблемно- и эмоционально-ориентированного совладания. Результаты говорят о том, что выбор эмоционального совладания снижает настойчивость и в целом проявление жизнеспособности в образовательной среде. Отрицательная взаимосвязь между эмоционально-ориентированной стратегией совладания и эмоциональным ответом по Шкале академической жизнеспособности, по-видимому, объясняется тем, что испытываемый студентом отрицательный эмоциональный аффект в ответ на проблемы в учебе и потеря самообладания ослабляет эмоциональный копинг, связанный с регуляцией, управлением своими эмоциями, поиском эмоциональной поддержки. Значимых корреляционных связей показателей академической жизнеспособности с показателями шкал, оценивающими совладающие стратегии избегания и отвлечения, в том числе и социального, обнаружено не было. Это связано с тем, что Шкала академической жизнеспособности ARS-30 не измеряет

избегающее поведение и поведение, направленное на отвлечение от проблемы. Таким образом, критериальная валидность адаптируемой шкалы получила подтверждение.

Описательные статистики русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) представлены в Таблице 5. Проверка на нормальность распределения выявила, что все шкалы подчиняются нормальному распределению. Значения асимметрии и эксцесса лежат в диапазоне от -1 до +1. Полученные средние значения и стандартные отклонения соответствуют полученным значениям разработчика Шкалы (Cassidy, 2016).

Таблица 5.

Описательные статистики для Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) вся выборка (N=142)

Шкалы	M	SD
Настойчивость	55,32	7,270
Рефлексия	33,55	5,362
Эмоциональный ответ	25,40	5,446
Общая академическая жизнеспособность	114,27	14,697

ВЫВОДЫ

Проведена лингвистическая адаптация русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности;

- Факторная структура русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности совпадает с авторской и включает в себя три фактора: «Настойчивость», «Рефлексия» «Эмоциональный ответ». Пункты, входящие в каждый из факторов, имеют нагрузку 0,3 и выше;

- Рассчитанные коэффициенты α -Кронбаха лежат в интервале от 0,73 до 0,82, при $p < 0,01$, что говорит о высокой синхронной надежности и согласованности всех шкал русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности (ARS-30), значимой связи всех пунктов со шкалами;

- Выявленные значимые корреляционные связи шкал русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности с валидизированными методиками (Тест

жизнеспособности взрослых, А.В. Махнач; Тест «Копинговое поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман с соавт. в адаптации Т.Л. Крюковой)) подтверждают ее критериальную валидность;

- Необходимы дальнейшие исследования по: проверке ретестовой надежности русскоязычной версии Шкалы академической жизнеспособности; проверке других видов валидности (дифференциальной, конструктивной)..

ЛИТЕРАТУРА

Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2000.

Гуров В.Н., Ефремова Е.А., Прикот О.Г., Виноградов В.Н. Феномен резильентной образовательной организации // Антикризисное управление школой – повышаем качество. Инновационная сетевая кластерная педагогическая лаборатория "Педагогический менеджмент в развитии образовательных комплексов и отдельных образовательных организаций". Сборник материалов. Уфа, 2019. С. 24-30.

Кузнецов В.М., Соловьева Т.В., Трошков С.Н. Моделирование мотивационного управления инновационной деятельностью педагогов в условиях становления резильентной школы // Педагогический имидж. 2018. Т. 12. № 4 (41). С. 5-17. DOI: 10.32343/2409-5052-2018-12-4-5-17.

Лактионова А.И. Структурно-уровневый анализ феномена жизнеспособности человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 106-133.

Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Никитин М.В. Персонификация резильентной функции сетевого колледжа-образовательного комплекса // Среднее профессиональное образование. 2019. № 6. С. 8-15.

Постылякова Ю.В. Индивидуальная и академическая жизнеспособность студентов // Социальные и гуманитарные науки на дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып.4. С.147-152. DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-147-152.

Постылякова Ю.В. Экологическая модель жизнеспособности студента // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. С. 218-239. DOI: 10.38098/ipran.opwr.2020.17.4.009.

- Рыльская Е.А.* Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики // Социум и власть. 2016. № 1(57). С. 25-30.
- Селезнева Н.Т., Рубленко Н.В.* Динамика формирования жизнеспособности личности в вузе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. №4 (34). С. 116-120.
- Bourne V.* To what extent is mathematical ability predictive of performance in a methodology and statistics course? Can an action research approach be used to understand the relevance of mathematical ability in psychology undergraduates // Psychology Teaching Review. 2014. V. 20(2). P. 14–27. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1146518.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).
- Cassidy S.* Resilience Building in Students: The Role of Academic Self-Efficacy // Frontiers in Psychology. 2015. V. 6. Art.1781. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01781.
- Cassidy S.* The Academic Resilience Scale (ARS-30): A New Multidimensional Construct Measure // Frontiers in Psychology. 2016. V. 7, 1787. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01787.
- Cheng V., Catling J.C.* The role of resilience, delayed gratification and stress in predicting academic performance // Psychology Teaching Review. 2015. V. 21. P. 13–24. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1146513.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).
- Colp S.M., Nordstokke D.W.* Exploring the measurement of academic resilience // Proceedings of the Symposium presentation at the Canadian Psychological Association's 75th Annual Convention. Vancouver, British Columbia. 2014.
- Connor K.M., Davidson J.R.* Development of a new resilience scale: the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // Depression and Anxiety. 2003. V. 18(2). P. 76–82. DOI: 10.1002/da.10113.
- Friborg O., Hjemdal O., Rosenvinge J.H., Martinussen M.* A new rating scale for adult resilience: what are the central protective resources behind healthy adjustment? // International Journal of Methods in Psychiatric Research. 2003. V. 12. P. 65–76. DOI: 10.1002/mpr.143.
- Hillman N., Robinson N.* Boys to Men: The Underachievement of Young Men in Higher Education—and how to Start Tackling it. Oxford: Higher Education Policy Institute, 2016.
- Hjemdal O., Friborg O., Stiles T.C., Rosenvinge J.H., Martinussen M.* Resilience predicting psychiatric symptoms: a prospective study of protective factors and their role in adjustment to stressful life events // Clinical Psychology and Psychotherapy. 2006. V. 13. P. 194–201. DOI: 10.1002/cpp.488.

- Hoge E.A., Austin E.D., Pollack M.H.* Resilience: research evidence and conceptual considerations for posttraumatic stress disorder // *Depression and Anxiety*. 2007. V. 24. P. 139–152. DOI: 10.1002/da.20175.
- Lamond A.J., Depp C.A., Allison M., Langer R., Reichstadt J., Moore D.J., et al.* Measurement and predictors of resilience among community-dwelling older women // *Journal Psychiatry Research*. 2009. V. 43. P. 148–154. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2008.03.007.
- Makhnach A., Laktionova A.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by state, society and the family // *Handbook for working with children and youth. Pathways to Resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.)*. Thousand Oaks: Sage. 2005. P. 371-386. DOI: 10.4135/9781412976312.n23.
- Martin A.J.* Motivation and academic resilience: developing a model of student enhancement // *Australian Journal Education*. 2002. V. 46(1). P. 34–49. DOI: 10.1177/000494410204600104.
- Martin A.J., Marsh, H.W.* Academic Resilience and The Fore Cs: Confidence, Control, Composure and Commitment // Paper presented at NZARE AARE, Auckland, New Zealand, MAR03770, 2003. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2003/mar03770.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).
- Martin A.J., Marsh H.* Academic resilience and its psychological and educational correlates: a construct validity approach // *Psychology in the Schools*. 2006. V. 43(3). P. 267–281. DOI: 10.1002/pits.20149.
- Martin A.J.* Academic buoyancy and academic resilience: exploring ‘everyday’ and ‘classic’ resilience in the face of academic adversity // *School Psychology International*. 2013. V. 34(5). P. 488–500. DOI: 10.1177/0143034312472759.
- Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change / Ed. M. Ungar. New York: Oxford University Press, 2021. 849 p. DOI: 10.1093/oso/9780190095888.001.0001.
- Smith B.W., Zautra A.J.* Vulnerability and resilience in women with arthritis: Test of a two-factor model // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2008. V. 76. P. 799-810. DOI: 10.1037/0022-006X.76.5.799.
- Smith B.W., Dalen J., Wiggins K., Tooley E., Christopher P., Bernard J.* The brief resilience scale: assessing the ability to bounce back // *International Journal of Behavioral Medicine*. 2008. V. 15. P. 194–200. DOI: 10.1080/10705500802222972.

Smith B.W., Tooley E.M., Christopher P., Kay V.S. Resilience as the ability to bounce back from stress: A neglected personal resource? // *Journal of Positive Psychology*. 2010. V. 5. P. 166-176. DOI: 10.1080/17439760.2010.482186.

Theron L. Learning About Systemic Resilience From Studies of Student Resilience / Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change / Ed. M. Ungar. New York: Oxford University Press. 2021. P. 232-252. DOI: 10.1093/oso/9780190095888.001.0001.

Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. V. 5(2). P. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.

Wagnild G.M., Young H.M. Development and psychometric evaluation of the Resilience Scale // *Journal of Nursing Measurement*. 1993. V. 1(2). P. 165-178. PMID: 7850498.

Wagnild G.M. The Resilience Scale User's Guide for the US English version of the Resilience Scale and the 14-Item Resilience Scale. Worden, MT: The Resilience Center. 2009.

Waxman H.C., Gray J.P., Padron Y.N. Review of Research on Educational Resilience. 2003. Center for Research on Education, Diversity & Excellence. Research Reports. (Paper rr_11). University of California, Santa Cruz. Retrieved 15 May 2006.

Статья поступила в редакцию: 22.05.2021. Статья опубликована: 03.07.2021.

RUSSIAN VALIDATION OF THE ACADEMIC RESILIENCE SCALE (ARS-30) BY S. CASSIDY

© 2021 Yulia V. Postylyakova

*Ph.D., Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow
E-mail: postylyakova@mail.ru*

The article analyzes foreign and domestic methods aimed at assessing the resilience. It is shown that the majority of resilience studies are most often conducted on the basis of the use of

individual resilience tests or various widely used personality questionnaires that evaluate individual personal qualities that are significant for resilience. At the same time, the context in which the subject shows resilience remains unaccounted for. It is shown that The Academic Resilience Scale (ARS-30) by S. Cassidy defines academic resilience by evaluating adaptive and non-adaptive cognitive-emotional and behavioral responses directly to academic adversity. The results of the adaptation of The Academic Resilience Scale (ARS-30) by S. Cassidy are presented: the linguistic adaptation of ARS-30 is carried out; the three-factor structure of the methodology is confirmed, the first factor reflects perseverance, manifested in hard work, following one's plans and goals, in unwillingness to give up, the second factor - reflection, manifested in thinking about one's strengths and weaknesses, in changing approaches to learning, in seeking help, in monitoring efforts and achievements, and the third factor reflects an emotional reaction to academic failures, negative affect, as well as attempts at emotional self-control. The internal consistency of the items included in the selected factors was confirmed, and the criterion validity of the ARS-30 was confirmed. Further stages of adaptation of the methodology are outlined.

Keywords: individual resilience, academic resilience, student resilience, resilience questionnaires resilience scales, psychometric properties.

REFERENCES

- Bodalev, A.A., Stolin V.V. (2000). *Obshchaya psihodiagnostika [General psychodiagnosics]*. Sankt-Peterburg: Rech' Publ (in Russian).
- Bourne, V. (2014). To what extent is mathematical ability predictive of performance in a methodology and statistics course? Can an action research approach be used to understand the relevance of mathematical ability in psychology undergraduates. *Psychology Teaching Review*. 20(2), 14–27. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1146518.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2021).
- Cassidy, S. (2015) Resilience Building in Students: The Role of Academic Self-Efficacy. *Frontiers in Psychology*. 6:1781. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01781.
- Cassidy, S. (2016). The Academic Resilience Scale (ARS-30): A New Multidimensional Construct Measure. *Frontiers in Psychology*. 7, 1787. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01787.
- Cheng, V., Catling, J. C. (2015). The role of resilience, delayed gratification and stress in predicting academic performance. *Psychology Teaching Review*. 21, 13–24. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1146513.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2021).

- Colp, S. M., Nordstokke, D. W. (2014). "Exploring the measurement of academic resilience," in *Proceedings of the Symposium* presentation at the Canadian Psychological Association's 75th Annual Convention. Vancouver, British Columbia.
- Connor, K. M., & Davidson, J. R. (2003). Development of a new resilience scale: the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). *Depression and Anxiety*. 18, 76–82. DOI: 10.1002/da.10113.
- Friborg, O., Hjemdal, O., Rosenvinge, J. H., & Martinussen, M. (2003). A new rating scale for adult resilience: what are the central protective resources behind healthy adjustment? *International Journal of Methods in Psychiatric Research*. 12, 65–76. DOI: 10.1002/mpr.143.
- Gurov, V.N., Efremova, E.A., Prikot, O.G. & Vinogradov, V.N. (2019). Fenomen rezil'entnoj obrazovatel'noj organizacii [The phenomenon of a resilient educational organization]. Antikrizisnoe upravlenie shkoloj - povyshaem kachestvo. Innovacionnaya setevaya klasternaya pedagogicheskaya laboratoriya "Pedagogicheskij menedzhment v razvitii obrazovatel'nyh kompleksov i otдел'nyh obrazovatel'nyh organizacij". [Anti-crisis school management-improving quality. Innovative network cluster pedagogical laboratory "Pedagogical management in the development of educational complexes and individual educational organizations"]: *Collection of materials, Ufa*. 24-30 (in Russian).
- Hillman, N., & Robinson, N. (2016). *Boys to Men: The Underachievement of Young Men in Higher Education—and how to Start Tackling it*. Oxford: Higher Education Policy Institute.
- Hjemdal, O., Friborg, O., Stiles, T. C., Rosenvinge, J. H., & Martinussen, M. (2006). Resilience predicting psychiatric symptoms: a prospective study of protective factors and their role in adjustment to stressful life events. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 13, 194–201. DOI: 10.1002/cpp.488.
- Hoge, E. A., Austin, E. D., & Pollack, M. H. (2007). Resilience: research evidence and conceptual considerations for posttraumatic stress disorder. *Depression and Anxiety*. 24, 139–152. DOI: 10.1002/da.20175.
- Kuznecov, V.M., Solov'eva, T.V. & Troshkov, S.N. (2018). Modelirovanie motivacionnogo upravleniya innovacionnoj deyatel'nost'yu pedagogov v usloviyah stanovleniya rezil'entnoj shkoly [Modeling of motivational management of innovative activity of teachers in the conditions of formation of a resilient school]. *Pedagogicheskij imidzh [Pedagogical Image]*, 12, 4 (41), 5-17 (in Russian). DOI:10.32343/2409-5052-2018-12-4-5-17
- Laktionova, A.I. (2017). Vzaimosvyaz' smyslovyh obrazovanij i reflektivnosti s zhiznesposobnost'yu cheloveka [The relationship of semantic formations and reflexivity with human resilience]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 38 (5), 37–50 (in Russian). DOI:10.7868/S0205959217050038.

- Lamond, A. J., Depp, C. A., Allison, M., Langer, R., Reichstadt, J., Moore, D. J., et al. (2009). Measurement and predictors of resilience among community-dwelling older women. *Journal Psychiatry Research*. 43, 148–154. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2008.03.007.
- Makhnach, A.V. (2016). *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no- psikhologicheskaya paradigma [The resilience of the person and the family: social psychological paradigm]*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ(in Russian).
- Makhnach, A., Laktionova, A. (2005). *Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by state, society and the family*. Handbook for working with children and youth. Pathways to Resilience across cultures and contexts. M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage. 371-386. DOI: 10.4135/9781412976312.n23.
- Martin, A. J. (2002). Motivation and academic resilience: developing a model of student enhancement. *Australian Journal Education*. 46, 34–49. DOI: 10.1177/000494410204600104.
- Martin, A.J., Marsh, H.W. (2003). *Academic Resilience and The Fore Cs: Confidence, Control, Composure and Commitment*. Paper presented at NZARE AARE, Auckland, New Zealand, MAR03770, 2003. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2003/mar03770.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2021).
- Martin, A. J., Marsh, H. (2006). Academic resilience and its psychological and educational correlates: a construct validity approach. *Psychology in the Schools*. 43, 267–281. DOI: 10.1002/pits.20149.
- Martin, A. J. (2013). Academic buoyancy and academic resilience: exploring 'everyday' and 'classic' resilience in the face of academic adversity. *School Psychology International*. 34, 488–500. DOI: 10.1177/0143034312472759.
- Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change (2021) M. Ungar (Ed.). New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190095888.001.0001.
- Nikitin, M.V. (2019). Personifikaciya rezil'entnoj funkicii setevogo kollezhda-obrazovatel'nogo kompleksa [Personification of the resilient function of the network college-educational complex]. *Srednee professional'noe obrazovanie [Secondary Vocational Education]*. 6, 8-15(in Russian).
- Postylyakova, Yu.V. (2018). Individual'naya i akademicheskaya zhiznesposobnost' studentov [Individual and academic resilience of students]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na dal'nem Vostoke [Social and Humanitarian Sciences in the Far East]*. XV, (4), 147-152 (in Russian). DOI:10.31079/1992-2868-2018-15-4-147-152.

- Postylyakova, Yu.V. (2020). Ekologicheskaya model' zhiznesposobnosti studenta [Ecological model of the student's resilience]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*. 5(4), 218-239 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.009>.
- Ryl'skaya, E.A. (2016). Test «Zhiznesposobnost' cheloveka»: razrabotka i psihometricheskie harakteristiki [Test "Human resilience": development and psychometric characteristics]. *Socium i vlast' [Society and power]*. 1(57), 25-30 (in Russian).
- Selezneva, N.T., Rublenko, N.V. (2015). Dinamika formirovaniya zhiznesposobnosti lichnosti v vuze [Dynamics of viability formation of personality in high school]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'yev]*. 4 (34), 116-120 (in Russian).
- Smith, B. W., & Zautra, A. J. (2008). Vulnerability and resilience in women with arthritis: Test of a two-factor model. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 76, 799-810. DOI: 10.1037/0022-006X.76.5.799.
- Smith, B. W., Dalen, J., Wiggins, K., Tooley, E., Christopher, P., & Bernard, J. (2008). The brief resilience scale: assessing the ability to bounce back. *International Journal of Behavioral Medicine*. 15, 194–200. DOI: 10.1080/10705500802222972.
- Smith, B. W., Tooley, E. M., Christopher, P., & Kay, V. S. (2010). Resilience as the ability to bounce back from stress: A neglected personal resource? *Journal of Positive Psychology*. 5, 166-176. DOI: 10.1080/17439760.2010.482186.
- Theron, L. (2021) Learning About Systemic Resilience From Studies of Student Resilience. *Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change*. M. Ungar (Ed.). New York: Oxford University Press. 232-252. DOI: 10.1093/oso/9780190095888.001.0001.
- Ungar M., Liebenberg L. (2011). Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. *Journal of Mixed Methods Research*. 5(2), 126–149. DOI:10.1177/1558689811400607.
- Wagnild, G.M., Young, H.M. (1993). Development and psychometric evaluation of the Resilience Scale. *Journal of Nursing Measurement*. 1(2), 165-178. PMID: 7850498.
- Wagnild, G.M. (2009). *The Resilience Scale User's Guide for the US English version of the Resilience Scale and the 14-Item Resilience Scale*. Worden, MT: The Resilience Center.

Waxman, H. C., Gray, J. P., Padron, Y. N. (2003). Review of Research on Educational Resilience. Center for Research on Education, Diversity & Excellence. Research Reports. (Paper rr_11). University of California, Santa Cruz. Retrieved 15 May 2006. http://repositories.cdlib.org/crede/rschrpts/rr_11.

The article was received: 22.05.2021. Published online: 03.07.2021

Библиографическая ссылка на статью:

Постылякова Ю.В. Адаптация шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) С. Кэссиди на русскоязычной выборке // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 2. С. 74 - 98. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_004

Postylyakova Y. V. (2021). Osobnosti cennostnogo determinirovaniya sil'noj korporativnoj kul'tury [Russian validation of the academic resilience scale (ARS-30) by S. Cassidy]. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 6 (2), 74 - 98. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_004

Адрес статьи:

<http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document669.pdf>